

УДК 130.2

РОССИЙСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ В РАМКАХ ПРАВОВОЙ НОРМАТИВНОСТИ
B. M. Золотухин, Е. В. Степанцова

RUSSIAN MENTALITY WITHIN THE LEGAL NORMATIVITY
V. M. Zolotuhin, E. V. Stepantsova

В статье рассматривается взаимосвязь правовой нормативности и российской ментальности, ее особенность и специфика проявления. Подчеркивается, что ментальность как социокультурный феномен и фактор политического поведения определяется качеством и состоянием социальной среды, в которую она вписана. Акцентируется внимание на том, что в идее российской государственности превалирует особость, исключительность, уникальность русского пути при общей пассивности и не включенности народа в государственное дело, безынициативности в вопросах создания гражданского общества. Отмечается, что практика реализации правовой нормативности должна сочетаться с соблюдением закона не только гражданами, но и должностными лицами, иначе в уровне менталитета будет доминировать унизительное и беспомощное ощущение полного бесправия.

The paper examines the relationship of legal normativity and the Russian mentality, its peculiarity and specificity of symptoms. It is emphasized that mentality as a sociocultural phenomenon and a factor of political behavior is determined by the quality and condition of the social environment in which it is inscribed. The authors focus on the fact that the idea of the Russian state is prevailed by specialness, exclusiveness, uniqueness of the Russian way with total passivity and non-involvement of the people in the state affairs, lack of initiative in the creation of civil society. It is noted that the practice of implementation of legal normativity should be combined with observing the law not only by citizens, but also by officials, otherwise the humiliating and helpless feeling of complete lawlessness will dominate at the level of mentality.

Ключевые слова: ментальность, нормативность, сознание, социум, консенсус, национальный характер.

Keywords: mentality, normativity, consciousness, society, consensus, national character.

Как способ регулирования поведения право призвано воздействовать на волевое поведение участников общественных отношений при помощи соответствующих стимулов. Оно должно быть выражено не как описание настоящего, а как предписание, обращенное в будущее, ибо «всегда обращено в будущее и предписывает нечто как должное; поэтому идеалы (будущего) всегда видятся в связи с правом как помощь или помеха в их достижении» [8; 13]. Поэтому сущность права определяется как нормативная форма упорядочения, стабилизации и воспроизведения общественных отношений, поддерживаемая (охраняя) средствами юридического процесса и государственным принуждением.

Уровень правового и морального сознания зависит от менталитета, основной задачей которого является объединение общества, так как «являясь важнейшим компонентом культурной традиции, осуществляет в рамках культуры «связь времен», благодаря чему этническая общность способна идентифицировать себя» [1]. Каждый народ наделяет особым смыслом свои начинания, формирует представления о государственной власти, правовом положении личности в обществе и т. д. В связи с этим менталитет «преграждает» дорогу элементам, которые не соответствуют его органичной структуре. По мнению Е. А. Ануфриева и Л. В. Лесной, «коренные реформы так же вредны обществу, как и воздействие на любой живой организм того, что не заложено в нем от природы». Они рассматривают менталитет как генетический код организма культуры, менять который опасно для жизни [2, с. 26].

Ментальность как общественное явление, социокультурный феномен и фактор политического поведения определяется качеством и состоянием социальной

среды, в которую она вписана [6]. Правовая нормативность, основанная на нормах права, представляет собой абстрактную модель общественных отношений и поведения людей. Этим она отличается от решений государственных органов по конкретным делам. Норма права не навязывается насилием, извне. Являясь продуктом развития общества, правовая норма восприниматься на уровне менталитета как социальная необходимость, ориентир поведения во всех сферах жизни – экономической, политической, социальной, семейно-брачной и других. Поэтому в любом социуме, а тем более в условиях российских переворотов, нормы права являются результатом кропотливой работы, в результате которой они отражают народные чаяния, а значит, имеют особое значение и влияние на развитие социально-политической мысли.

В то же время необходимо акцентировать внимание на том, что в идее российской государственности превалирует особость, исключительность, уникальность русского пути при общей пассивности и не включенности народа в государственное дело, безынициативности в вопросах создания гражданского общества. Это ведет к непониманию соблюдения нормы права как экзистенциальной потребности человека, сведение его только к принуждению и насилию, отсутствие реального представления о роли права в сфере политики и социальной жизни породило глубокий правовой нигилизм, характерный как для прошлой правовой жизни, так и для современной России.

В случае, когда определение права отражает потребности общественного развития, интересы нации и всего человечества раскрывается не формально-абстрактная совокупность законов, а их система, способствующая самосохранению общества. Такое право приобретает особый смысл в наше время, на пороге

третьего тысячелетия, когда общество интенсивно развивается, создаются различные общественные организации (в том числе партии), не возбраняется плюрализм взглядов и убеждений. В данном случае норма права создает равновесие в обществе и укрепляет его, поскольку формирует предсказуемое поведение индивида и его отношение к другому лицу и ко всему обществу.

Для оптимального создания и применения тех или иных правовых норм необходим анализ и учет общественного мнения, поскольку важнейшим признаком законной нормы является её социальная значимость и необходимость. Социальными факторами, влияющими на применение норм права, являются политический режим государства, активность политических партий и общественных объединений, состояние экономики и благосостояния населения, образованность правоприменителей и всех слоев общества, социально-научные исследования и разработки, социально-демографические условия (численность, плотность и состав населения, занятость, уровень преступности).

Особому вниманию подлежат социально-правовые факторы, которые негативно влияют на создание и эффективность применения правовых норм. Одним из таких факторов является социальный конфликт, который возникает вследствие несовместимости ценностей, потребностей, интересов отдельных субъектов. Исследователи в области уголовного права обеспокоены тем, что происходящие в России изменения в области социально-политических, экономических, духовных и иных отношений приводят не только к позитивным сдвигам, но и в известной мере порождают новые виды общественных и межличностных противоречий, трудно преодолимые социальные и правовые конфликты [2, с. 41].

Учитывая бессознательность и не сформулированность воздействия на человека менталитета как некоторой традиции [10, с. 25], проявление правовой нормативности определяется доминированием тех или иных ценностей в общественном сознании. Например, К. А. Феофанов подчеркивает, что правовая необразованность и путаное законодательство в «условиях абсолютного владычества силы и власти, в советское время упроченные официально узаконенным государственным террором против «врагов народа» и самого народа, привели к устойчивому правовому нигилизму, полному непринятию права как регулятора отношений и источника справедливости гражданами и институтами» [11, с. 79 – 94].

В своей работе «Дорога к рабству», изданной в 1944 году, Ф. Хайек уделил большое внимание господству тоталитаризма, в том числе и в России, основанному на планировании, и оказался провидцем исторического развития России в условиях тоталитаризма. По мнению Р. И. Капелищникова, в середине XX в. предполагалось, что ограничение свободы в рамках системы централизованного планирования – это та жертва, которую приносит социализм ради достижения несравненно более важной цели – обеспечения достойной жизни основной массы народа. Соглашаясь с Хайеком, автор подчеркивает: система централизованного управления, когда решения принимаются исходя из соображений выгодности в каждом

отдельном случае, без оглядки на какие-либо общеобязательные стабильные принципы и нормы права, является собой царство голой целесообразности. Твердые юридические правила и нормы сменяются конкретными предписаниями и инструкциями, верховенство права – верховенством политической власти, ограниченная форма правления – неограниченной [7, с. 108].

По мере увеличения популярных в период сталинизма и позднее запретительных и жестко ограничительных норм права приводит к тому, что многообразие жизни уступает место единобразию, а свобода личности становится не просто попранной, а практически раздавленной. Проблема свободы и несвободы, проблема произвола и дисциплины стояла во все времена, но она не была такой острой, ужасающе катастрофической, как в XX веке. Тоталитаризм XX века, превратив норму права в ничего не значащий лозунг, перечеркнул достоинство личности во всех его проявлениях во имя конечной цели, которой могла быть чистота расы или социальная утопия. Принудительный труд уничтожил это достоинство, произвольные аресты погрузили людей не только в страдания – как ужасающие физические, так и духовные, – но и в унизительное беспомощное ощущение полного бесправия.

Активность и воздействия властной элиты в России и в прежние века, и в настоящее время были направлены на то, чтобы управлять сознанием и поведением масс, но, как правило, инертность архетипов менталитета и массового сознания блокировала и «сводила на нет» все идеологические и социальные преобразования, к которым не могли люди адаптироваться и принять. В связи с этим И. В. Мостовая и А. П. Скорик отмечают, что в «России, где толщина нижних трех слоев довольно внушительна с точки зрения социального охвата соответствующими архетипами, данный динамичный архетип органично входит в систему общественного баланса только при условии высокой энергетической насыщенности» [9, с. 74].

Как подчеркивает Ю. Д. Гранин, «федеральная и региональные элиты, в практиках которых все больше проступают феодальные черты, больше всего боятся потерять привилегии, а руководство страны – ослабления «властной вертикали», скрепляющей асимметричную РФ. Последняя, действительно, до сих пор не застрахована от распада вследствие внутренних и внешних вызовов. Судя по наблюдениям, именно этого больше всего боится власть» [3, с. 19]. В данном случае речь идет о «зависимом развитии» (*Path Dependence*) Российской Федерации, которая переживает социокультурный кризис, где сформированное ранее научное мировоззрение и рациональное мышление целенаправленно заменяется СМИ мифами самого разного толка и лженаукой. С точки зрения менталитета (национального, этнического и т. д.) предполагается переход к новому типу цивилизационного развития, который нацелен на решение глобальных проблем сохранения человека и накопленных им цивилизационных достижений.

Когда сознательная жизнь молодого поколения приходится на эпоху переосмысливания ценностей и

ломки старых поведенческих алгоритмов, то происходит парадоксальная ситуация: с одной стороны, основные императивы уже заданы родителями, с другой – ситуация открывает массу возможностей, для которых нет аппарата оценки. Как всегда в таких случаях, первой усваивается атрибутика, а не суть. Легко признается, что быть богатым – хорошо, но остается за кадром, что для этого надо работать. Формируется стереотип, как должен выглядеть и вести себя богатый человек, но упускается из виду, что демонстративное поведение характерно как раз для стремящихся к богатству, а не достигших его. Тот факт, что 75 % американских миллионеров заработали состояние ценой 20 – 30 лет труда по 12 часов в сутки без выходных, по меньшей мере, не вдохновляет, а потому игнорируется.

Выступая основным элементом институциональной среды, в которой люди осуществляют свой выбор, социальные нормы являются предписаниями определенного поведения, обязательными для выполнения и имеющие своей функцией поддержание порядка в системе взаимодействий. При этом существует принципиальное различие между нормой и средней величиной: если первая реализуется через социальные механизмы (ценности, санкции и т. д.), то вторая не несет никакой социальной нагрузки и может быть выявлена с помощью простого статистического расчета. Так, расчет среднего времени опоздания на встречу дает лишь весьма опосредованное представление о восприятии людьми взаимных обязательств, определяемых социокультурными основаниями национальных менталитетов. Например, во Франции не принято приходить в гости точно в назначенное время, но это отнюдь не свидетельствует о необязательности французов: нормой является небольшое опоздание (5 – 15 мин), и отношения между хозяевами и приглашенными строятся на основе ее выполнения.

В дореволюционный период в российском праве были актуализированы такие идеи, как:

- идея правды и ее различные трактовки и смысл;
- идея свободы и ее понимание как воли и вольницы;
- идея соборности и ее воплощение в праве и правосознании;
- идея российской государственности и ее социально-политические предпосылки.

Возникновение права и правовых норм обусловлено процессом развития общественных отношений, где требуется поиск и достижение консенсуса, а также разграничение интересов людей.

Безусловно, в 70 – 80-х годах прошлого столетия велась некоторая работа по правовому воспитанию населения, преподавались основы права, работники правоохранительных органов знакомили граждан с содержанием законов. Однако эти меры плохо сочетались с многочисленными нарушениями норм права должностными лицами, диспропорцией в сфере распределения материальных благ, высоким уровнем преступности. Фактически общество могло довольствоваться только лозунгами из Основного Закона государства. Напрашивается вывод о том, что в период тоталитарного режима в России регулирование социально-политических отношений основывалось не на

естественных нормативно-правовых взглядах, а на искусственно создаваемых нормах права, подгоняемых под интересы правящей верхушки. Власть была пронизана идеей полного контроля над социумом. Политическая деятельность – односторонне направлена. Нормы права стали не источником истинной свободы человека, а средством пропаганды, лозунгами, которыми обрамляли фундаментальные нормативные акты государства. Однако согласимся с Ф. Хайеком, что тоталитарному режиму несложно лишить большинство людей способности самостоятельно мыслить. Но надо еще заставить молчать меньшинство, сохранившее волю к разумной критике [13, с. 106].

Как утверждает Хайек, «свобода» – это не единственное слово, которое став инструментом тоталитарной пропаганды, изменило свое значение на прямо противоположное. Поскольку не может быть коллективной свободы, основанной на составленном кем-то плане, свобода – это понятие сугубо индивидуальное, которое нельзя смешивать с интересами власти, планирующих органов, коллективными взглядами. То же самое происходит с «законом» и «справедливостью», «правами» и «равенством». Список этот можно продолжать до тех пор, пока в него не войдут практически все широко бытующие этические и политические категории [13, с. 106]. Самосознание субъекта как единичного, так и общего (коллектив, нация и т. д.) имеет определяющее значение и «каким-то образом связано с содержанием» [14, с. 198] и практической реализацией права свободного выбора в рамках конкретной правовой нормативности.

Идея свободы и прав человека даже в период развитого социализма, несмотря на её широкое провозглашение, реально была отодвинута на последний план. Поскольку нормы права имели чисто декоративный характер, право граждан избирать депутатов в советы разных уровней сводилось к голосованию за единственного кандидата, одобренного единственными действующей партией. Провозглашаемая высшими нормативными актами свобода мысли и слова ограничивалась обязанностью произносить только хвалебные слова в адрес руководства страны. Иное поведение расценивалось как покушение на политические устои и заслуживало довольно жесткого уголовного наказания. Так, ст. 70 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. устанавливалось наказание за агитацию или пропаганду, проводимую в целях подрыва или ослабления Советской власти либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление или хранение в тех же целях литературы такого же содержания в виде лишения свободы на срок от шести месяцев до семи лет или ссылкой на срок от двух до пяти лет [5]. Подвести под эту статью любое неугодное выступление не составляло никакого труда для действующей в ту пору, зависимой от государства, судебной системы.

Значение нормы права в развитии социально-политической мысли связано еще и с тем, что право, политика, социум неразрывны и взаимно влияют друг

на друга. Согласимся с рассуждениями Ю. Хабермаса о том, что право и политическая власть должны исполнять функции по отношению друг к другу, прежде чем они смогут взять на себя *собственные* функции, а именно: стабилизировать поведенческие ожидания и коллективно принятые решения. Таким образом, право впервые придает всякой власти, у которой оно заимствует принудительный характер, правовую форму, и ей власть снова обязана тем, что она становится обязательной. И наоборот. Оба кода, правда, требуют, чтобы у каждого из них была собственная перспектива: у права – нормативная, у власти – инструментальная. В перспективе права как политика, так и законы вместе с соответствующими мероприятиями нуждаются в нормативном обосновании. А в перспективе

власти они функционируют в качестве средства и в качестве ограничений (налагаемых на воспроизведение власти) [12, с. 48]. Н. В. Мотрошилова отмечает пристальное внимание Ю. Хабермаса процессу формирования свободной общественности. Анализируя французский опыт, Хабермас утверждал, что столь же важным, как фактическая институционализация политической общественности, становится её юридическое нормирование; революционный процесс одновременно интерпретируется и дефинируется на языке конституции и права [12, с. 143]. Таким образом, возникновение, институционализация и легитимация общественности как движущей силы государства многим обязаны норме права.

Литература

1. Ануфриев Е. А., Лесная Л. В. Российский менталитет как социально-политический и духовный феномен. // Социально-политический журнал. 1997. № 6. С. 21 – 28.
2. Булаев М. И. Детерминанты рецидивной преступности // Российский следователь. 2007. № 13.
3. Гранин Ю. Д. Модернизация России: в колее «зависимого развития» // Вопросы философии. 2014. № 4. С. 14 – 24.
4. Горбунова М. Г. Диалектика язычества и православия в структуре русского менталитета: дис. ... канд. фил. наук. Н. Новгород, 2001. 150 с.
5. Закон РСФСР от 27.10.1960 «Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР» (вместе с «Уголовным кодексом РСФСР») // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
6. Золотухин В. М., Родионов А. В. Социально-философский и культурологический аспекты российской ментальности // Вестник КемГУКИ. 2014. № 29. Ч. 1. С. 17 – 24.
7. Капельюшников Р. И. «Дорога к рабству» и «дорога к свободе»: полемика Ф. А. Хайека с тоталитаризмом. // Вопросы философии. 1990. № 10.
8. Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. 288 с.
9. Мостовая И. В., Скорик А. П. Архетипы и ориентиры российской ментальности // Полис. 1995. № 4.
10. Розов М. А. Философия без сообщества? // Вопросы философии. 1988. № 8.
11. Феофанов К. А. Цивилизационные детерминанты права: коммуникативные технологии на службе политических режимов // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 5. С. 79 – 94.
12. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Лекции и интервью. Москва, апрель 1989 г. М.: Наука, 1992. 176 с.
13. Хайек Ф. Дорога к рабству // Вопросы философии. 1990. № 12.
14. Щенников В. П., Белоглазова О. Н. Проблема самосознания в истории философии // Вестник КемГУ. 2011. № 1(45). С. 195 – 199.

Информация об авторах:

Золотухин Владимир Михайлович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, политических отношений и права Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева, zvm64@mail.ru.

Vladimir M. Zolotuhin – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Sociology, Political Relations and Law, Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev.

Степанцова Евгения Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, политических отношений и права Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева, ev67@yandex.ru.

Evgeniya V. Stepantsova – Candidate of Philosophy, Assistant Professor at the Department of Sociology, Political Relations and Law, Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev.

Статья поступила в редакцию 20.11.2014 г.